
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2 (316.77)

АНАЛИЗ ДИСКУРСА КАК СИСТЕМЫ РАССЕЙВАНИЯ В ТРАДИЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (М. ФУКО, М. ПЕШЁ)

Е.А. Кожемякин

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы 85
e-mail: dva@bel.ru

Дискурсные исследования, получившие широкое распространение в современных науках, исторически наследуют интеллектуальный потенциал французской философии 60-х годов XX века. В статье рассматриваются базовые, исходные положения основателей дискурс-анализа – Мишеля Фуко и Мишеля Пешё. Анализируется трактовка дискурса как системы рассеивания значений, обосновывается вклад французских мыслителей в становление критических теорий и рассматривается междисциплинарный характер их концепций, ориентированных на изучение взаимообусловленности между дискурсом и социокультурными явлениями.

Ключевые слова: дискурс-анализ, французская философия, Фуко, Пешё, дискурсивные формации, дискурсивная практика, критический анализ

За несколько последних десятилетий дискурс-анализ достиг определенного академического статуса в области философско-культурологических и социально-гуманитарных наук. Исследования, проводимые в рамках этого подхода, характеризуются широким спектром предметов анализа – от исследования научных эпистем и логики социального познания до изучений городского пространства, медицинских практик и организации социальных протестов. Высокий и значимый академический статус, открытость и адаптивность дискурсной методологии исследовательским целям, однако, не всегда предполагают адекватного понимания и/или применения дискурс-анализа как исследовательского проекта. Как бы там ни было, неопределенностей относительно дискурса и дискурс-анализа гораздо больше, чем ясных позиций. Об этом свидетельствует также и то, что стало своего рода «общим местом», обращаясь к дискурсным исследованиям, упоминать о понятийной и категориальной неточности, связанной с использованием термина «дискурс». В одних случаях это свидетельствует о глубокой рефлексии исследователя и его интенциях уточнить категориальный аппарат современных наук, но зачастую, – латентным проявлением желания «ухода» от какой бы то ни было определенности и научной точности, снятия с себя ответственности не только за использование тех или иных терминов, но и за качество результатов исследования. В условиях подобной терминологической и методологической неопределенности разумным является обращение к «академическим истокам» дискурсной теории, каковыми, по нашему убеждению, являются концептуальные модели французской школы дискурс-анализа 60-

х годов XX века и теоретические концепции ее представителей – Мишеля Фуко и Мишеля Пешё.

Мишель Фуко (если рассматривать его исследовательскую работу на «археологическом» этапе – то есть в период деятельности, наиболее близко смыкающейся с изучением дискурса) не был основоположником методологии дискурс-анализа в полном смысле этого слова. Его главной задачей было определение условий и оснований формирования, распространения, фиксирования и распада системы знания. В качестве таковых условий и оснований он видел дискурс (дискурсивную практику, дискурсивные формации).

Согласно Фуко, дискурс имеет отношение к способам мышления и говорения о различных аспектах реальности: «Дискурс представляет собой совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [7, 6-7]. Дискурс включает в себя совокупность общих допущений, которые могут быть настолько приняты в качестве само собой разумеющихся, что становятся невидимыми для индивидов или присвоенными ими.

Дискурсы образуют каркас дискурсивных формаций, упорядочивающих реальность определенным образом. Согласно Фуко, они (дискурс и дискурсивная формация) поддерживают определенный «режим» производства знания, а также делают возможными одни способы размышления о реальности и исключают другие. Таким образом, они детерминируют, *кто* может говорить, *когда* и с *каким авторитетом* и наоборот, кто не имеет на это права. Анализируя дискурсивные эффекты в фукианском ключе, исследователь отвечает на такие вопросы, как: «в соответствии с какими правилами возможны те или иные высказывания?», «в соответствии с какими правилами упорядочиваются эти высказывания?», «в соответствии с какими правилами мы определяем высказывания как истинные или ложные?», «какие правила применяются для конструирования картин мира или классификационных систем?» [10].

Важно понимать, что в один и тот же период времени существует целый ряд возможных дискурсивных рамок размышления, письма или говорения об аспектах реальности. Тем не менее, не все дискурсы присутствуют в одинаковой мере и обладают одинаковым авторитетом. В любой момент истории некоторые дискурсы действуют таким образом, чтобы подавить или исключить иные дискурсы. То, какой дискурс «приобретает право» присутствия – это вопрос властных отношений. В этой связи уместно вспомнить известное изречение Фуко – «дискурс – это власть, которую необходимо захватить» [6, 110]. В фукианском анализе власть рассматривается как продуктивный, а не только репрессивный феномен: знание производится и становится «известным» благодаря действию сетей власти. Парадоксальным образом такая власть во многих случаях может подавлять то, что возможно знать в определенных ситуациях. Так, например, человеческое тело как объект научно-медицинского знания как *является* конструктором, так и *участвует* в конструировании научно-медицинского дискурса.

Фуко неоднократно подчеркивает, что знание, принадлежащее одному дискурсу, может исключать знание, принадлежащее другому дискурсу. То, что некоторые дискурсы (например, научно-медицинское представление о теле) начинают доминировать над другими, является результатом социально-исторических процессов, связанных с оперированием дискурсами. Они приобретают статус «истинных», а «истина» рассматривается как эффект действия дискурсивных правил [3].

Дискурс как предмет фукианского анализа – это механизм, определяющий единство системы знания, это своего рода набор «сцепляющих» инструментов – «сцепляющих», поскольку дискурс возникает там, где есть необходимость и где возникают действия, направленные на создание, закрепление, расширение или же ослабление и разрушение картины мира, сотканной из представлений, знаний, значений, высказываний и т.д. Практика подобного «сцепления» разнородных элементов воедино обозначается Фуко как *дискурсивная практика*.

Дискурс по Фуко – это также и «рассеивающая система». Для определенной устойчивой группы высказываний не является необходимым ни пространственное расположение, ни нормативное основание (имеется в виду применение определенного нормативного типа акта высказывания или речевого акта), ни общая понятийная структура, ни совокупность общих (допустимых) тем. Наоборот, как утверждал Фуко, в устойчивом поле высказываний обнаруживают себя пространственные смещения и отклонения, нормативные формулировки различных уровней и разнородных функций, структурно различающиеся понятия (зачастую исключают друг друга), совмещение несовместимых тем. Иными словами, в определенной группе высказываний, характеризующей систему знаний, представлены некоторые формы распределения и присутствуют некоторые правила «корреляции в их (высказываний – *Е.К.*) одновременном существовании», «порядок в их последовательном появлении» [2, 92].

Система рассеивания некоторого числа высказываний в пределах функционального поля, характеризующаяся наличием определенных закономерностей объединения различного типа высказываний, понятий и тем, обозначается Мишелем Фуко как «*дискурсивная формация*». Соответственно, «правилами формирования» Фуко определяет те условия, которым подчиняются элементы распределения в дискурсивной формации. К элементам распределения он относит: объекты, модальности акта высказывания, понятия, темы.

Собственно изучению подобных дискурсивных закономерностей, форм распределения и «островков связности», дискурсивных практик и дискурсивных формаций в масштабе социокультурного поля и был посвящен дискурс-анализ Фуко. Логика анализа у Фуко представлена следующим образом: 1) изучение элементов распределения в дискурсивной формации позволяет 2) выявить некоторые правила формирования и специфику дискурсивной практики и, затем, 3) определить прагматику постулирования и применения именно этих правил. Согласно убеждению Мишеля Фуко, любая система может иметь иную структуру, нежели она имеет в данный момент, а сочленение разнородных элементов (объектов, типов высказываний, понятий и тем) всегда рационально и выгодно некоторой внешней социокультурной или социально-политической силе. Более детализировано логика такого анализа была выражена французским исследователем в виде следующих ключевых «шагов» анализа:

- анализ формирования объектов;
- анализ формирования модальностей высказываний;
- анализ формирования понятий;
- анализ формирования тематических стратегий.

В своей совокупности все четыре аспекта анализа позволят исследователю сформулировать представление о закономерностях «сцепления» и «рассеивания» как базовых механизмах дискурсивной практики и дискурсивной формации.

Мишель Фуко на примере своих трех ключевых работ [2; 4; 5] продемонстрировал возможности своей методологической исследовательской программы. Так, в работе «История безумия в классическую эпоху» был преимущественно предоставлен анализ формирования объектов и, соответственно, теоретических выборов, основанных на традиции использования тех или иных понятий и установления тех или иных связей между ними в поле психиатрии; в «Рождении клиники» исследовательский акцент был сделан на изучении динамики модальностей высказываний медицинского дискурса; в «Словах и вещах» анализ касался в первую очередь формирования понятийных схем лингвистического, исторического и экономического дискурсов.

Рассмотрим четыре аспекта анализа дискурсивных формаций и практик подробнее.

Первый этап – анализ формирования объектов – предполагает поиск ответов на вопрос о том, как объекты номинируются и располагаются относительно друг друга таким образом, что создают определенное поле высказываний (например, детально изученное

Мишелем Фуко поле психопатологии). Иными словами, на этом этапе исследователь определяет режим существования объектов в качестве объектов дискурса.

Такой анализ включает в себя следующие этапы:

– описание пространства номинирования объектов (или, говоря языком Фуко – «поля первичной дифференциации»). К подобным параметрам пространства можно относить семью, ближайшее социальное окружение, трудовую среду, религиозную общину – то есть все социокультурные группы, обладающие определенной степенью нормативности. Нормативность и чувствительность группы предполагает способы обозначения и возможность исключения, систему поощрения и наказания. Как пишет Фуко, в этих пространствах дискурс «...находит возможность отграничить свою область, определить то, о чем он говорит, и придать этому статус объекта – то есть выделить все это, дать всему этому имя и описать» [2, 98]. Иными словами, этот этап предполагает поиск ответа на вопрос «Где может появиться объект?»;

– описание «инстанций разграничения» (или агентов дифференциации), выделяющих, обозначающих, называющих и утверждающих нечто в качестве объекта. Таковыми агентами могут являться и являются чаще всего социальные институты (медицина, религия, школа, семья), и номинация объекта, как правило, происходит в процессе согласованных действий различных институтов – так, например, безумие утверждается в обществе в качестве объекта при совокупной активности медицины, уголовного права, церкви, литературной и художественной критики [2, 98-99]. Ключевым здесь является вопрос: «Благодаря кому может появиться объект?»;

– анализ «решеток спецификации», в рамках которых происходит типизация и классификация объекта, выделяются его различные виды. Главный исследовательский вопрос на этом этапе: «Благодаря чему объект может видоизменяться?».

Комплекс условий, позволяющих объекту «появиться» в социокультурном поле, стать артикулируемым, весьма и весьма сложен. Это свидетельствует о том, что тот или иной объект дискурса может стать таковым в совершенно определенных пространственно-временных исторических и культурных рамках, в контексте совершенно определенных социокультурных отношений – как первичных, так и вторичных.

Первичные социокультурные отношения не зависят от дискурса и дискурсивных объектов и выражаются в объективных, реально существующих, исторически обусловленных связях: например, таковыми отношениями могут быть связи между пространством семьи и пространством трудовой группы или связи между семейными и юридическими инстанциями. Эти – первичные – отношения не обязательно и не всегда выражаются в установлении отношений, делающих возможными объекты дискурса, а также не обязательно сводимы к дискурсу.

Вторичные же отношения сформированы «над» действительностью. Этот тип отношений не обязательно воспроизводит отношения первичные, реальные – в данном случае, скорее, стоит вести речь о рефлексивных отношениях, о формулировании суждений об «уже сказанном» и «уже названном», о гипотетически выраженных объективных отношениях. Анализ вторичных отношений подразумевает использование теоретических методов, позволяющих «вскрыть» структуру рефлексии и описать причинно-следственную природу появления её продуктов: целью применения таких методов является проверка теорий, верификация утверждений, критика точек зрения.

Однако, существует еще один тип отношений – собственно дискурсивные, специфичные тем, что не столько репрезентируют реальность, сколько устанавливают её. Они *проблематизируют* первичную реальность, делают возможным рассуждение о ней. Вторичные отношения как раз имеют дело с продуктом дискурсивных отношений.

Таким образом, дискурс и его предметное поле представляют собой не конфигурацию, а совокупность правил, которые и определяют их специфичность. Например, некоторая практика может рассматриваться с исторической точки зрения – в данном случае ключевыми вопросами будут «что делают люди» и «как они это делают»

(анализ первичных отношений). Также мы можем ориентировать наше исследование на то, как различные социологические теории интерпретировали ту или иную социальную практику (анализ вторичных отношений). Важен и анализ того, каким образом в рамках социологии практика признается в качестве реального и значимого источника знаний и предмета изучения, какие практики признаются в качестве реальных, действительно существующих и что делает возможным их номинирование в качестве таковых – иными словами, анализ того, как функционирует само социологическое знание.

Если анализ первичных отношений предполагает выявление природы вещей, а изучение вторичных отношений – динамику их осмысления, то рассмотрение дискурсивных отношений предполагает выявление и интерпретацию правил репрезентаций вещей и условий попадания их в некоторое поле обсуждений, дискуссий и последующих релевантных действий. Изучение третьего типа отношений, эпистемологическое по своей сути, *составляет «ядро» фукианской социально-философской методологии*. Речь здесь идет о некотором «промежуточном», но крайне необходимом анализе того, как и в каких условиях формируются определенные репрезентации вещи. Такой анализ с неизбежностью предполагает разработку и применение особого метода. Как утверждает сам Фуко, «анализ лексического содержания определяет либо элементы значения, которыми в определенную эпоху располагают говорящие субъекты, либо семантическую структуру, которая появляется на поверхности уже произнесенных дискурсов; но он не затрагивает дискурсивную практику как место, где формируется и де-формируется, появляется и исчезает перепутанная ... множественность объектов» [2, 110].

Второй этап – анализ формирования модальностей высказывания – есть процесс выявления устойчивых связей между различными формами высказываний в дискурсе; изучение этого процесса предполагает следование следующим исследовательским этапам:

– описание статуса говорящих («уполномоченных использовать язык»), то есть статуса индивидов, имеющих право на некоторый дискурс. Фуко замечает, что подобное право может быть как регламентированным, так и традиционным, как юридически определенным, так и спонтанным. Ценность и действенность «дискурсивного слова» заключается не столько в его эксплицитности, сколько в детерминировании определенных действий, предопределении социальной дифференциации, влиянии на мышление и поведение людей. Анализ статуса уполномоченного говорящего предполагает поиск ответа на вопрос «Кто говорит?»;

– анализ местоположения говорящего заключается в рассмотрении институциональных пространств, закрепленных за адресантом определенного дискурса (например, для медицинского дискурса таковыми пространствами являются больница, поликлиника, лаборатория). Ключевым вопросом на этом этапе анализа является «Откуда говорит адресант?»;

– описание функций говорящего подразумевает не анализ самих дискурсивных функций адресанта, «внешних», социальных связей (как на этапе описания статуса говорящего), но скорее, интерпретацию «внутренних», эпистемологических функций. Подобное описание предполагает выявление и рассмотрение позиций говорящего субъекта по отношению к разным областям или группам объектов. Подобные функции определяются Фуко как совокупность коммуникативных, перцептивных и когнитивных позиций, которые занимает «уполномоченный адресант» в определенном дискурсе. Вероятно, ведущим вопросом здесь является «Как говорит адресант?».

Любое дискурсивное поле, по определению являющееся расширяющимся, бесконечным и постоянно изменяющимся, понимается и описывается в контексте некоторой динамики высказываний, которая задается их модальностью. Под модальностью Фуко понимает «обновление точек зрения, содержаний, форм, стиля описания, использования индуктивных или вероятностных умозаключений, типов определения причинности» [2, 118].

На *третьем* этапе анализа дискурса исследователь осуществляет реконструкцию исторического процесса создания некоторой связной совокупности понятий в рамках того или иного дискурсивного поля – какой-либо дисциплины, например, грамматика или экономика. Поиск базового построения, формирующего совокупность понятий, представляется крайне сложным и чрезвычайно амбивалентным занятием. Как полагает Фуко, «вместо того, чтобы стремиться переместить понятия в виртуальное дедуктивное построение, следовало бы описать эту организацию поля высказываний, в котором эти понятия появляются и циркулируют» [2, 122].

Прежде всего, такая совокупность понятий в дискурсивном поле содержит в себе *формы последовательности*. К последним Мишель Фуко относит:

- упорядоченные ряды высказываний (некоторый порядок выводов, последовательных импликаций, доказательств, порядок репрезентаций, описаний, обобщений, порядок повествований),
- типы зависимости высказываний (законы соподчинения и сочетания высказываний, логические, семиотические и нарративные правила),
- риторические схемы (формальные связи, позволяющие высказываниям образовывать последовательность определенного типа на основании определенного правила или совокупности правил).

Формы сосуществования высказываний наряду с формами их последовательности также специфицируют конфигурацию поля высказывания. Сосуществование высказываний возможно, в первую очередь, благодаря наличию некоторого поля присутствия, под которым Фуко понимает совокупность прецедентных высказываний, принятых в качестве «признанной истины, точного описания, обоснованного или необходимо допущенного умозаключения» [2, 124]. В этом поле аксиоматичных высказываний, «само собой разумеющегося», уже сконструированной очевидности, каждое новое высказывание обретает свою релевантность в силу эмпирической верификации, логического доказательства, повторения, аргументации к традиции и вере (*argumentum ad traditio. argumentum ad fide*), анализа ошибок и так далее.

Также, Мишель Фуко предлагает осуществлять анализ «области памяти»: совокупности высказываний, которые не представляются актуальными, не являются предметом обсуждений и критики, не признаются, но с которыми устанавливаются отношения родства. Данная область памяти по существу является латентным сектором поля присутствия; «неверные» («ошибочные», «устаревшие») высказывания, артикулируемые в ходе аргументации, описания, репрезентации, крайне важны в функциональном отношении и играют роль аргументативного ресурса, при использовании которого можно представить развитие дискурсивного поля, его изменение от несовершенного и упрощенного состояния к совершенному и сложному. На наш взгляд, то, что Фуко обозначает в качестве отдельного элемента анализа как «область памяти», является необходимой составной частью поля присутствия во многих дискурсах, например, в пропагандистском или идеологическом.

К высказываниям применяются *процедуры вмешательства*, представляющие собой совокупность операций, допустимых к использованию с целью изменения, трансформации высказываний и порядка, который они образуют. Эти процедуры не являются общими для всех дискурсивных формаций – наоборот, каждая дискурсивная формация специфицируется определенными процедурами вмешательства. К подобным операциям Фуко относит: техники переложения, методы транскрипции высказываний, способы перевода количественных высказываний в качественные, методы систематизации уже существующих суждений и так далее.

Важной задачей является обнаружение схем, по которым высказывания могут быть связаны друг с другом в дискурсе определенного типа, а также поиск закономерностей рассеивания понятий в поле дискурса [2, 129].

Таким образом, фукианский анализ системы понятий и правил ее создания предполагает своего рода «допонятийный» анализ, отвлечение от той категориально-понятийной системы, которая укоренена в изучаемом дискурсе. Сложность, в первую очередь, в том, что встает задача использования совершенно иного языка, нежели язык предмета анализа, а это в некоторых случаях чрезвычайно затруднительно, так как границы любого дискурса размыты и динамичны, а элементы исследовательского языка неизбежно будут встречаться в исследуемом дискурсе в том или ином статусе (в доминантном либо подчиненном). Также трудности связаны с крайне неоднородным набором условий и факторов возникновения того или иного понятия в конкретной исторической эпохе – и если в некоторых случаях (например, в случае радикального несовпадения эпох исследователя и исследуемого предмета) исследовательский взгляд способен зафиксировать подобные условия, то в иных – осуществить подобную операцию будет невозможно. Иными словами, осуществление понятийного анализа дискурса предъявляет исследователю требования высочайшего уровня, иногда, просто невыполнимые.

Фуко отмечал, осознавая все трудности подобного анализа: «мы всегда описываем их (правила формирования понятий – *Е.К.*) в определенных дискурсивных полях и с самого начала не признаем за ними бесконечных возможностей распространения» [2, 134], а также: «правила формирования понятий не являются результатом осуществленных индивидами действий, которые были помещены в историю и отложились в толще коллективных привычек» [2, 134].

Наконец, **четвертый** этап анализа дискурса предполагает анализ *формирования тем* (стратегий). При условии строгости, последовательности и связности всей совокупности понятий, модальностей высказывания и типов номинируемых объектов в некоторых дискурсах формируются крайне «влиятельные» и устойчивые темы или теории. Подобные темы или теории (независимо от их формального уровня) Фуко обозначает как «стратегии». Обратим внимание, что этот фрагмент анализа дискурсивных формаций не был реализован Мишелем Фуко в виде масштабного эмпирического (историко-социального) исследования и представлен лишь в виде направлений исследования, включающих в себя:

– определение точек дифракции (появление конкурирующих, (несовместимых, конфликтующих) элементов дискурса, а также их диалектическое совмещение) предполагает изучение распределения, в котором несочетаемые и рассогласованные построения могут размещаться в едином поле высказываний и дополнять (развивать) друг друга;

– изучение дискурсивной конstellляции (системы отношений дискурса с иными знаковыми системами, дискурсивными формациями, семантическими полями) позволяет установить статусное положение конкретного дискурса в социальном поле и определить причины и условия возникновения или подавления тех или иных дискурсивных построений;

– определение внешних (недискурсивных) связей дискурса позволяет выявить функции дискурса в поле недискурсивных практик, в поле борьбы за дискурс, в поле желаний (например, изучение роли педагогического дискурса в процессе поиска работы или психологического дискурса в процессе добрачного ухаживания).

По замыслу Фуко, завершающий этап – анализ дискурсивных стратегий (не закрепленных во внутренней структуре дискурса, но существующих на «границе» дискурса) позволит раскрыть потенциал дискурса, векторы и силы его расширения. Подход Фуко прослеживается в том, что возможности развития и трансформации дискурса он видит не в грамматике дискурса, не в референте дискурса, не в субъекте, «использующем» дискурс, а именно в его соприкосновении с окружающим его полем, в его функциональности во «внешней среде». Теория как тематическая стратегия приводит дискурс в движение, дает ему жизнь во взаимодействии с иными феноменами, лишает его

чрезмерной формализованности и самореферентности: дискурс благодаря тематическим стратегиям становится не просто объективностью, но *агентом* (например, конструирующим систему объектов) и *инструментом* (например, достижения власти). Это, с одной стороны, позволяет нам однозначно классифицировать теорию дискурса Мишеля Фуко как функционалистскую и, с другой стороны, определить ее междисциплинарность и полифоничность, поскольку для анализа границы дискурса необходимо привлекать средства дисциплин, «компетентных» в тех областях, с которыми соприкасается дискурс и проявляет свои функции. Так, анализ возможностей и потенциала дискурса при взаимодействии его с недискурсивными практиками предполагает привлечение социологического и антропологического инструментария, при изучении процессов присвоения дискурса – экономического и политологического, при исследовании дискурсивной констелляции – нарративного, социолингвистического и семиотического и так далее.

Парадоксально, но ключевые, следуя оценке самого Фуко, позиции анализа дискурса – то есть те, которые связаны с изучением дискурса в его функционально-деятельностном аспекте, самим автором дискурсивной методологии изучены и рассмотрены лишь проективно и тезисно. Следует ли из этого, что дискурсивная теория Фуко – лишь проект, реализованный на начальных стадиях, или это означает, что исследователь осознавал границы своей компетентности в анализе дискурса и его функционирования не ясно; но одно остается очевидным – определение дискурса как системы рассеивания, обладающей достаточной степенью агентивности и генетивности, чтобы подчинять себе субъекта и культуру, предполагает уже в самом начале анализа вопрос о границах дискурса.

Фуко постоянно обращает внимание на то, что весь сложный пучок отношений, функционирующий в виде правил, содержится не в самом дискурсе, а на его границе, «на той грани, где определяются специфические правила, заставляющие его существовать в таком виде» [2, 153]. Однако, именно в отношении анализа функционирования дискурса «на грани», при взаимодействии и соприкосновении с иными феноменами, фукианский дискурс-анализ исчерпывает свои возможности: при своей последовательной реализации он неизбежно приведет нас к редукционизму, проявляющемуся в том, что «за пределами» дискурса мы обнаружим только дискурс. Например, дискурсивным редукционизмом было бы, если борьба за дискурс расценивалась как то, что «запрограммировано» самим дискурсом как объектом борьбы.

На наш взгляд, дискурсивный редукционизм проявляется в теории Фуко на том этапе анализа, когда исследователь ставит перед собой задачи определения функций говорящего, описываемых им как некий набор перцептивных, когнитивных и коммуникативных инструментов. В данном случае нерешенным остается вопрос об их природе: имманентны ли они самому дискурсу или занимают внешнюю позицию по отношению к нему? Если – имманентны, то анализ дискурса замыкается на самом себе: для изучения такого предмета, как дискурс, нам потребовалось бы привлечь инструментарий, предлагаемый самим дискурсом, что свидетельствовало бы о самореферентности исследования и «замкнутом» характере его логики. Если же речь идет о внешних познавательных элементах, которыми пользуется говорящий, то это предполагает, что мы уже должны иметь более или менее систематизированные данные о содержании иных, «внешних» дискурсов – но тогда наш анализ нельзя будет назвать первичным и он не может быть ориентирован на изучение основ дискурса.

Подобная стратегия развития фукианской теории прослеживается в постмодернистской концепции «тотального дискурса» Эрнесто Лаклау, в которой последовательно раскрывается система дискурсивных эффектов, их воспроизводства, мультипликации и так далее до бесконечности. В определенном смысле у такого анализа нет границ, но также было бы справедливо утверждать, что и сам анализ здесь становится одним из бесконечных дискурсивных эффектов.

С целью преодоления подобного редукционизма Мишель Фуко разрабатывает и вводит в свою концепцию понятие «диспозитив», которое фиксирует некий «стратегический императив», сохраняющий внутри каждой конкретной культуры свою идентичность. Диспозитив представляет собой некий целостный, заверченный инвариант типовых для определенной культуры стратегий реализации политических и когнитивных практик. Однако, такой императив не присутствует ни в языке, ни в иных семиотических системах, а значит не может быть сведен к некоторому принципу или набору принципов, характерных для данной культуры и обеспечивающих единство дискурса. И вновь мы возвращаемся к идее о том, что единственным основанием «целостности» дискурса является его рассеивание. В таком случае вновь актуализируется вопрос о границах дискурсивных формаций и практик: если и существует некоторый диспозитив, который детерминирует эти границы, то он может быть обнаружен только в дискурсе; однако, диспозитив – это «до-дискурсивный» феномен, поэтому он не может быть обнаружен принципиально. Мишель Фуко не смог разрешить этот парадокс.

Сформулируем главные выводы относительно бесспорно позитивных результатов теории Фуко.

Во-первых, исследователь должен понимать, что при рассмотрении дискурсивного единства он имеет дело с анализом рассеивания элементов. Такое рассеивание может быть описано только в контексте правил, в соответствии с которыми формируются объекты, акты высказывания, понятия и тематические стратегии или теории. Дискурс в таком контексте можно рассматривать как систему связей и отношений между семиотическими элементами, задающих модус их распределения в определенном социально-историческом поле. Подобное единство рассеивающихся элементов возможно благодаря взаимодействию с внешней системой – это является условием выражения возможностей и потенциала дискурса, определяет его динамику и формирует относительно устойчивые дискурсивные практики.

Важным следствием из теории Фуко является то, что все уровни дискурса не являются независимыми. «Стратегические выборы не возникают непосредственно из видения мира или из преобладания интересов, присущих говорящему субъекту; ... сама их возможность детерминирована точками дивергенции в наборе понятий; ... понятия вовсе не были сформированы непосредственно на ... основе идей, но сформировались исходя из форм сосуществования между высказываниями» [2, 150-151], и далее: «..не все позиции субъекта, не все типы сосуществования между высказываниями, не все дискурсивные стратегии являются одинаково возможными, но лишь те, которые разрешены предшествующими уровнями» [2, 151]. Таким образом, *онтологический уровень (формирование объектов) является той основой, которая предопределяет специфику всех последующих уровней*: номинируемые объекты делают возможными одни акты высказывания и исключают другие.

На наш взгляд, принципиально важным и методологически необходимым достижением теории Мишеля Фуко является также вывод о том, что дискурс и дискурсивная практика не суть конечные состояния, которые необходимо анализировать как результат случайных, несистематичных предшествующих событий или субъективных психических актов; напротив, во-первых, их организация и функционирование подчиняются исторически и социально обусловленным правилам «сцепления» высказываний и конструирования объектов и, во-вторых, они представляют собой своего рода ресурс, материал создания и изменения действительности, а также для создания новых дискурсов и дискурсивных практик.

И, наконец, главный вывод из теории Фуко в контексте современных дискурсивных исследований заключается в следующем: проблема дискурса включает в себя вопросы о том, что в той или иной культуре институционально допущено к говорению, а что замалчивается, как конструируются и понимаются базовые аксиологические категории («истина», «ложь», «красота», «безобразное»), кто наделяется «правом говорения», что из

себя представляет легитимированная в определенной культуре технология словоговения и создания культурных текстов.

Мишель Пешё, развивая идеи Мишеля Фуко и пытаясь разрешить проблему границ дискурса, основной акцент своей исследовательской работы сделал на моделировании механизмов социокультурной детерминации дискурсивных практик. Главным в его методологии, условно обозначаемой как «Автоматический анализ дискурса» [9] стал вопрос: «каковы социокультурные границы дискурсивных практик и форм?».

Базовым допущением методологии Пеше является утверждение о необходимости дистанцирования дискурсного исследования от собственно лингвистических изысканий. Предмет дискурсного анализа – не чисто лингвистический феномен, не то, что замыкается на языковых формах. Даже если принять допущение Фуко о том, что язык как диалектическая, внутренне противоречивая сущность всегда является либо репрезентантом власти, либо самой властью, это, тем не менее, не объясняет всего многообразия механизмов легитимации и конституирования определенных общественных явлений, идеологизации и мифологизации общественного сознания. Кроме того, теория Фуко не объясняет, каким образом один и тот же язык и одна и та же система кодов и правил их рассеивания, используя в различных сообществах, приводит к различным результатам и имеет различные эффекты.

Мишель Пешё, обозначая главные стратегии ответов на вопросы, сформулированные Фуко, занимает позиции, принципиально противостоящие сугубо лингвистическому анализу дискурса: понимая любой дискурсивный акт как сложное явление, спровоцированное действием комплекса не только языковых и властных, но и социокультурных, психических и прочих факторов, Пешё рассматривает дискурс как «один из материальных аспектов идеологии», переводя таким образом категорию дискурса в сферу исторически обусловленных классовых отношений со всей их социокультурной спецификой. Это предполагает, что внутренний потенциал и динамика дискурса непосредственно зависит от недискурсивных идеологических феноменов. Как утверждает Пешё, «каждая дискурсивная формация поддерживает некоторые специфические условия производства» [9, 38], при этом под условиями производства следует понимать материальное, социальное и культурное окружение субъектов дискурса.

У Пешё дискурс не является ни пассивным «отражением» недискурсивных феноменов, ни их простым следствием, ни просто атрибутом или гарантом их стабильности. Дискурс активен и генеративен в первую очередь в отношении смысла. Пешё утверждает, что «конституирование эффектов смысла происходит, начиная с внутренних отношений парафразирования», а «референциальные отношения имплицитуются этими эффектами» [1, 17]. Это означает, что, будучи обусловленным конкретными социокультурными условиями, дискурс порождает смысл тех или иных знаковых единств: «смысл некоторой текстовой последовательности материально постижим только тогда, когда эта последовательность рассматривается с привязкой к той или иной дискурсивной формации» [1, 17]. Одним из аспектов дискурсного процесса, связанным с его генеративной особенностью, является то, что одни и те же социокультурные явления (или знаковые явления) могут иметь несколько смыслов и несколько интерпретаций. Собственно, социокультурный факт или явление может иметь смысл только благодаря дискурсивному процессу, но последний не просто закрепляет референциально-смысловые связи, но одновременно конструирует и поле всевозможных смысловых трансформаций. Иными словами, явление может быть понято только благодаря тому, что оно представлено в дискурсе; однако, именно благодаря этому оно может быть понято по-разному. Под собственно *дискурсивным процессом* Мишель Пешё понимает парафразические отношения, которые актуализируются внутри матрицы смысла, присущей данной дискурсивной формации [9, 29]. Это означает, что весь массив текстовых последовательностей, образующих дискурс, соотносится с определенными условиями их производства, с некоторой «матрицей смысла», с базовыми стандартами и

закономерностями конструирования дискурсных последовательностей, причем эта «матрица» не ограничивается собственно языком и внутриязыковыми закономерностями, но охватывает и коммуникативные, и социальные, и культурные закономерности. М.А.Можейко сравнивает этот свод дискурсных правил с «семиотическим диспозитивом» в концепции Кристевой и с «диспозитивом власти-знания» в концепции Фуко [1, 17]. Пешё, как и в случае Фуко и его концепта диспозитива, сталкивается с риском дискурсивного редукционизма: «матрица смысла», будучи «до-языковой» и «до-дискурсивной» формацией, может быть познана и описана только средствами дискурса. Однако, Мишель Пешё предпринимает попытку решения этой проблемы, с одной стороны, через позицию субъекта дискурса и, с другой стороны, через идеологию.

Эта «внешняя» детерминированность дискурса делает невозможным рефлексивность субъекта о «предзаданности» предмета его мышления и речевой деятельности (поскольку последние рассматриваются Пешё как элементы дискурса, который, в свою очередь, является производным от социокультурных явлений). Мишель Пешё использует понятие «забвение» для обозначения подобного рода неосведомленности субъекта. Абсолютное забвение, которое может быть описано как тотальное незнание субъекта о дискурсивной предзаданности его коммуникативных действий, ведет к исчезновению субъекта как агента речи («Я-здесь-говорящий», оставляя место только дискурсу, говорящему через «чистое Я», актуализируемое в конкретной социокультурной ситуации. Следует заметить, что, Пешё признавал фактическую невозможность достижения такого состояния, фиксируя его лишь как предостережение для тех, кто занимает недостаточно рефлексивную и критичную позицию по отношению к себе и своей речи.

С точки зрения Пешё, дискурсивные процессы однозначно не производятся субъектом, но генерируются способом производства дискурса, который задается определенной «идеологической формацией». Принципиальным положением теории дискурса Пешё, отличающим ее от фукианской теории и развивающей ее, является то, что она утверждает субъекта в качестве необходимого условия реализации дискурса. Несмотря на то, что субъект «подчинен» идеологии и «не знает» о зависимости своей речемыслительной деятельности от дискурса, он неизбежно становится полем реализации и идеологии, и дискурса. Таким образом, Пешё выстраивает детерминационную схему: «идеология – дискурс – субъект» и преодолевает чрезмерный объективизм концепции Фуко. Целью динамической связки «идеология-дискурс» является производство субъектов, то есть «превращение индивидов в субъектов», «в подданных». В качестве наиболее значимых и наиболее эффективных (в отношении создания подобных «субъектов как эффектов») необходимо считать политическую, педагогическую (образовательную), медико-социальную и другие идеологии.

Если для Фуко субъект лишен агентивности в дискурсивных практиках, то у Пешё субъект трактуется как то, благодаря чему реализуется дискурсивная практика, о которой субъект не подозревает. Дискурс, согласно Пешё, неизбежно реализуется в субъекте, что объясняется специфической организацией последнего: «нехватка Реального» побуждает субъекта «забывать» о собственной дискурсивной несвободе и строить иллюзии относительно того, что все, что он мыслит и говорит суть результат его личного опыта, его психических особенностей или его мировоззрения, а не самоактуализации дискурса. Феномен «забвения собственной дискурсивной несвободы» имеет важнейшее эпистемологическое значение: если мы создаем себе иллюзии относительно независимости нашей речемыслительной деятельности от идеологии, то необходимо, как минимум, анализировать структуру этих иллюзий. Поскольку эти иллюзии не произвольны и не спонтанны, а социокультурно и идеологически детерминированы, то их анализ позволяет, по мысли Пешё, выявить эффекты идеологических смыслов, транслируемых субъектом посредством дискурса.

Помимо понятия «субъекта», еще одним элементом детерминационной схемы Пешё является «идеология». Как уже было отмечено, идеология представляет собой

«матрицу смыслов» по отношению ко всем единицам циркулирующих в обществе дискурсов. Идеология, условно говоря, есть «виртуальный метатекст», с которым генетически соотносятся все тексты дискурсивной формации. Очевидно, что Пешё здесь обращается к фукианскому термину «диспозитив» избегая скатывания к дискурсивному редукционизму и гносеологическому парадоксу, о которых говорилось ранее. Идеология рассматривается Мишелем Пешё в социокультурных рамках, то есть речь может идти о множестве идеологий, каждая из которых релевантна той или иной социокультурной системе (государству, институту, сообществу, субкультурной среде и т.д.). Утверждая, что идеологии могут сосуществовать, противоборствовать, игнорировать друг друга, но при этом всегда они пребывают во множественности и в состоянии взаимодействия, Пешё смягчает позицию Фуко, согласно которой диспозитив является непостижимой тотальностью и иррациональным абсолютом. Пешё развивает марксистскую идею об обусловленности идеологии экономическими процессами и экономической материальной системой. Идеология, согласно Пешё, содержит и предоставляет набор репрезентаций, которые носят классовый характер и, соответственно, имеют те или иные спецификации в зависимости от социокультурных характеристик класса. Дискурс в таком понимании предстает как один из материальных аспектов идеологии, то есть как то, что непосредственно «переводит» экономические процессы в идеологические. Пешё заменяет иррационализм и абсолютизм фукианского понятия «диспозитив» материалистическим измерением идеологических и дискурсивных процессов. Если для фукианского анализа дискурса главной целью было выявление историко-социальных условий, порождающих возможность тех или иных высказываний, то для Пешё – это обличение конкретных экономически-идеологических мотивов реализации власти через дискурсивные практики. И если фукианский проект представляется более масштабным, но в то же время более методологически затруднительным (в частности, имеется в виду дискурсивный редукционизм), то модель анализа дискурса Пешё является более прозрачной в методологическом аспекте. «Делинеаризация текстов, связанная с явлениями иерархии, сложения, детерминированности» постулировалась Пешё в конце 60-х годов в качестве базовой стратегии анализа дискурса как системы рассеивания, а спустя два и более десятилетия стала основной процедурой дискурсивных аналитиков (Ван Дейк, Фэрклау, Муфф, Водак и другие).

Итак, Пешё, используя понятия «идеология» и «субъект» и во многом опираясь и развивая идеи Фуко, предпринимает попытку преодоления дискурсивного редукционизма. Однако, «возвращение субъекта» вряд ли можно трактовать однозначным образом. Будучи выполненным в неомарксистском ключе, теоретический проект Пешё сохраняет характерную для марксистских учений тенденцию к «пессимистическому гуманизму» и в то же время включает в себя элементы «постструктуралистского оптимизма»: если дискурс-анализ способен «обнажить» тоталитарное и подчиняющее экономически-идеологическое действие, опосредованное дискурсом, то целенаправленная реорганизация дискурсивной практики позволит «освободить субъекта». Очевидно, что подобная реорганизация должна подразумевать реализацию принципов нелинейности и самоорганизации дискурсивных практик, а также расширения границ дискурса.

Резюмируя сказанное и отмечая в некотором отношении излишний радикализм и политизированный подтекст теории Пешё, вполне характерный для французской философии в целом и в особенности – 60-х годов двадцатого века, отметим следующее: Пешё, развивая идеи Фуко, отказывается от линейного и структурного рассмотрения дискурса и фиксирует внимание на дискурсе как самоорганизующейся среде, открытой и нелинейной системе, оказывающей бесспорно конструктивное и генеративное воздействие и на субъекта, и на действительность (культуру), и на другие дискурсы.

Список литературы

1. Можейко, М. Автоматический анализ дискурса // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – С. 17.
2. Фуко М. Археология знаний. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
3. Фуко, М. Дискурс и истина. – Минск: ПроPILEI, 2006.
4. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
5. Foucault, M. Naissance de la clinique: Une archeologie du regard medical. – P., 1978.
6. Foucault, M. The order of discourse // Language and politics. London: Basil Blackwell. – 1984. – P. 108-138.
7. Kress, G. Linguistic processes in socio-cultural practice. Victoria, Australia: Deakin University Press, 1985.
8. Laclau E. The death and resurrection of of the theory of ideology // Journal of political ideologies, 1 (3), 1996: 201-220.
9. Pecheux, M. Analyse automatique du discours. – Paris: Dunod, 1969.
10. Philip, M. Michel Foucault // The return of grand theory in the human sciences. – New York: Cambridge University Press. – 1985. – P.65-81.

ANALYSIS OF DISCOURSE AS A DISSEMINATION SYSTEM IN TERMS OF FRENCH PHILOSOPHY OF THE SECOND PART OF XX CENTURY (MICHEL FOUCAULT, MICHEL PECHEUX)

Е.А. Kozhemyakin

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: dva@bel.ru

Discourse studies which are widely spread in modern humanities, historically inherit the intellectual potential of French philosophy of the 60s of the previous century. The paper deals with basic, paramount principles of the discourse-analysis founders – Michel Foucault and Michel Pecheux. The article is aimed to analyze interpretation of discourse as a dissemination system, to ground the contribution of the French thinkers to the advance of critical theories, and also to observe the cross-disciplinary nature of the discourse conceptions, the latter being oriented to study the mutual determination between discourse and social and cultural phenomena.

Key words: discourse-analysis, French philosophy, Foucault, Pecheux, discursive formations, discursive practice, critical analysis.